

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

Точка бифуркации
не пройдена.
Пересчитать
всё заново.
Андропов

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
— 1983 —

СОВ. СЕКРЕТНО

АИ,
СССР
АНДРОПОВА

3

ВЕТЬ I

ВЕТЬ II

ВЕТЬ III

ВЕТЬ IV

1983

2012

Желько Максимович АИ, СССР Андропова 3

<https://litres.ru/74519364>

SelfPub; 2026

Аннотация

АИ, Андропов 3 — продолжение масштабного альтернативно-исторического цикла. Если первая книга («АИ, Андропов 2») показывала мир изнутри — через цепочку решений конкретных людей в конкретных точках бифуркации, — то третья книга представляет собой мета-уровень: рефлексия о природе стратегического мышления, анализ самой системы предвидения и её последствий.

Сюжет. Действие охватывает 1983–2025 годы и выстроено вокруг ключевого документа — аналитической записки Геостратегического управления 1983 года с четырьмя ветвями развития страны. Спустя тридцать лет, в 2012 году, ведущий аналитик Илья Бармин перечитывает этот документ в новосибирском архиве и получает письмо за подписью... умершего шестнадцать лет назад Андропова: «Точка бифуркации не пройдена. Пересчитать всё заново». Это запускает каскад ретроспективных и перспективных разборов.

Желько Максимович

АИ, СССР Андропова 3

Глава 1. Точка обзора

9 февраля 2012 года. Архивно-аналитический центр «Наследие», Новосибирск. Уровень: пост событийный анализ. Горизонт: ретроспектива 30 лет.

1

Снег падал уже четвёртый час.

Не тот снег, что украшает открытки, — лёгкий, пушистый, праздничный, — а февральский, мокрый, тяжёлый, какой бывает только в Сибири, когда зима уже не верит в собственную вечность, но ещё не готова сдаться. Он лепился к окнам архивного корпуса, застилал свет фонарей, превращал Академгородок в размытый акварельный набросок — мир без резких границ, без контуров, без определённости. Мир, в котором всё ещё может случиться. Или уже случилось.

Бармин сидел в читальном зале третьего яруса — самом глубоком, подземном, куда не долетали даже звуки вентиляции с верхних этажей, — и держал в руках микрофильм,

которого, согласно официальным реестрам, не существовало. Его пальцы, узловатые, с артритными утолщениями на суставах, едва заметно дрожали. Не от холода — в архиве поддерживалась ровная температура в восемнадцать градусов круглый год, это было требованием регламента хранения плёнок, — а от того особого напряжения, которое возникает, когда прикасаешься к собственной жизни, упакованной в чужую классификацию.

Он знал этот документ наизусть. Каждую строку, каждый знак, каждую запятую, поставленную химическим карандашом на желтоватой бумаге октябрьской ночью восемьдесят третьего года. Он помнил даже то, чего в документе не было, — скрип стула в операторской, запах табака (тогда ещё курили прямо в кабинетах, не обращая внимания на гримасы пожарной охраны), тихий голос Королёва из смежного отдела, напевавшего «Подмосковные вечера» в три часа ночи. Помнил, как сам он, тридцатипятилетний аналитик с тремя научными степенями, ни одна из которых официально не существовала, вдруг остановился посреди расчётов и понял: то, что он пишет, — не прогноз.

Это приговор.

Он перечитал первую страницу — ту самую, с заголовком «Точка бифуркации».

Вероятность распада Евразийского пан-региона при сохранении текущего вектора технологической деградации и институционального дрейфа: 73 процента к окончанию календарного 2000 года. При включении фактора внешнего давления (НАТО, экономическая изоляция, исламский по-яс) — до 81 процента. При наиболее благоприятном из реалистичных сценариев (частичная модернизация без смены элит) — не ниже 58 процентов. Вывод: распад является статистически предопределённым процессом, обратимость которого возможна только при условии немедленной смены технологического уклада через принудительную модернизацию. Инструментарий: ограниченный. Временной горизонт реализации: 50 лет. Вероятность успеха при текущем кадровом составе Политбюро: 12 процентов.

Двенадцать процентов. Они тогда, в восемьдесят третьем, спорили об этой цифре три дня. Королёв настаивал на восьми — он вообще был пессимистом, что для геостратега скорее достоинство, чем недостаток. Волин из экономического сектора давал пятнадцать, но Волин всегда был склонен к неоправданному оптимизму, за что его впоследствии и отстранили от расчётов первой категории. Сам Бармин предложил двенадцать — не как математический результат, а как компромисс, который удовлетворял всех и не удовлетворял никого. Так часто бывает в аналитике: цифра становится ис-

тиной не потому, что она точна, а потому, что она принята.

Микрофильм был четвёртым из семи экземпляров. Согласно правилам делопроизводства Геостратегического управления — структуры, о существовании которой не знал даже директор КГБ (а позже и ФСБ), — документы грифа «Предельно стратегически» тиражировались в количестве семи копий, каждая из которых имела уникальный химический маркер, позволявший отследить траекторию её перемещения внутри системы. Шесть копий уничтожили в период с 1985 по 1991 год — четыре по акту, две по факту, без документального оформления. Седьмая — та, что сейчас лежала перед Барминым, — считалась утраченной при пожаре в спец хранилище Генштаба в марте 1994-го. Пожар действительно был — Бармин лично выезжал на место в составе комиссии, — но микрофильм исчез из хранилища за четыре дня до возгорания. Кто его вынес и с какой целью, осталось невыясненным. Подозрение пало на подполковника ГРУ Свиридова, но Свиридов умер от инфаркта в девяносто пятом, унеся ответ с собой в могилу на Хованском кладбище, где его хоронили под чужим именем — по личному распоряжению начальника Управления.

Теперь документ лежал здесь, в Новосибирске, в Архивно-аналитическом центре «Наследие», куда его передал — Бармин не знал, кто именно, — в конверте без обратного ад-

реса три недели назад. Конверт был вскрыт в соответствии с протоколом «Энигма-4», и с тех пор старик не мог заставить себя покинуть читальный зал дольше чем на четыре часа. Он спал здесь же, в кресле, укрываясь шинелью, которую хранил в архиве с девяносто третьего, — шинелью капитана Советской армии, хотя сам никогда не носил военной формы и воинского звания не имел.

Он просто любил эту шинель. Она пахла прошлым.

2

Читальный зал третьего яруса представлял собой помещение площадью двадцать четыре квадратных метра — точнее, двадцать три и восемь десятых, если верить техническому паспорту, подписанному начальником хозяйственной части в июне 1978 года. Стены были обшиты звукопоглощающими панелями песочного цвета, которые за тридцать с лишним лет приобрели оттенок старой слоновой кости — благородный, но унылый. Освещение — четыре лампы дневного света, две из которых постоянно моргали, создавая ритмический рисунок, к которому Бармин давно привык и которого почти не замечал, как не замечают собственного дыхания. Стол — металлический, с пластиковым покрытием под дерево. Стул — вращающийся, с продавленным сиденьем, отрегулированный под рост и вес человека, который проводил

в нём больше времени, чем в собственной постели.

В углу, на специальной подставке, стоял проекционный аппарат «Микро-700» — советская разработка семьдесят четвёртого года, модернизированная в восемьдесят девятом усилиями технического отдела Управления. Аппарат позволял читать микрофильмы с увеличением до семидесяти крат и имел встроенную систему фотографирования, способную делать до двенадцати кадров в минуту. Бармин помнил день, когда эту систему устанавливали, — приезжали техники из Томска, трое мужчин в одинаковых серых халатах, работали молча, не задавая вопросов, и уехали, не оставив ни фамилий, ни инструкций. Через месяц пришла бумага: аппарат принят в эксплуатацию, гарантийный срок — двадцать пять лет, регламентное обслуживание — раз в полгода.

Гарантийный срок истёк три года назад. Аппарат работал.

Бармин перемотал плёнку на четвёртую страницу — ту, где шли расчёты по сценарию «Продлённая жизнь». Сценарий этот был составлен в ноябре 1983-го, через две недели после первой части документа, и изначально не входил в основной корпус анализа. Его добавили по личному требованию Андропова — точнее, по требованию, переданному через третьих лиц, как всегда, делалось в Геостратегическом управлении. Сам Бармин никогда не встречался с Андропо-

вым лично. Никто из аналитиков его уровня не встречался. Таково было правило: пятый этаж власти не имеет прямого контакта с первым. Информация передаётся по цепочке, и каждое звено в этой цепочке — фильтр, который отсеивает всё лишнее, включая человеческие эмоции, амбиции и страхи.

Формулировка на плёнке гласила:

Сценарий «Продлённая жизнь» (вариант «Андропов»). Исходное условие: сохранение жизни и дееспособности действующего Генерального секретаря ЦК КПСС на период не менее десяти лет с момента начала реализации. Допущение: медицинские технологии, находящиеся в распоряжении 4-го Главного управления при Минздраве СССР, достаточны для продления жизни при условии перераспределения ресурсов с программ «Экран» и «Дельта». Прогнозируемые эффекты: (1) стабилизация кадровой политики верхнего эшелона — вероятность 94 процента; (2) постепенная замена региональных элит на лояльных технократов — вероятность 78 процентов; (3) принудительная модернизация промышленности без социального взрыва — вероятность при условии (1) и (2): 61 процент; (4) сворачивание Афганской кампании в течение 24 месяцев — вероятность 89 процентов. Побочные эффекты: (а) рост напряжённости в отношениях с США в краткосрочной перспективе (3-5 лет) — вероятность 97 процен-

тов; (b) формирование оппозиционного крыла в Политбюро — вероятность 84 процента; (c) институциональный кризис при передаче власти после окончания срока — вероятность 92 процента. Общая вероятность успеха сценария при условии реализации всех предпосылок: 44 процента против 12 процентов базового сценария.

Сорок четыре процента.

Они были безумцами — Бармин понимал это сейчас, тридцать лет спустя, — безумцами, вообразившими, что историю можно просчитать, как шахматную партию, что можно усадить реальность за стол и сказать ей: ходи так, и никак иначе. Но они были безумцами квалифицированными — каждый из них имел за плечами не менее десяти лет оперативной аналитики, каждый понимал разницу между моделью и реальностью, каждый знал, что любой прогноз — это не предсказание будущего, а карта территории, которой ещё не существует. А карта, как известно, не есть территория.

Но Андропов читал эти расчёты иначе.

Он вообще читал иначе — это было известно по тем немногим резолюциям, которые возвращались в Управление. Он не видел вероятностей. Он видел возможности. Или, как сформулировал однажды Королёв после трёх бессонных

ночей над особо сложным анализом: «Он смотрит на наши цифры и видит не проценты, а приказы. Если мы пишем "вероятность успеха — 12 процентов", он читает: "Нужно сделать так, чтобы было 12". Если пишем "44 процента" — он читает "44". Это не аналитик, это игрок. А геостратег не должен быть игроком. Геостратег должен быть картографом».

Королёв ошибался. Геостратег должен быть и тем и другим одновременно — это Бармин понял позже, когда Королёва уже не было в живых, а сценарий «Продлённая жизнь» из гипотетической конструкции превратился в фундамент, на котором тридцать лет строилась реальность. Игрок и картограф. Тот, кто чертит карту, и тот, кто делает ставку.

Андропов был и тем и другим. В этом заключалась его сила. И в этом же заключалась его трагедия.

3

Снег за окном усилился. Теперь он шёл сплошной стеной — белой, плотной, почти непрозрачной, — и Бармину казалось, что архив погружается в какую-то иную среду, где время течёт не вперёд, а вглубь, как в шахту, как в скважину, пробурённую в толще десятилетий. Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Октябрь 1983 года. Москва. Здание Геостратегического управления — бывший особняк Морозовых на Спиридоновке, переданный в ведение Управления в 1968 году под видом архива Министерства геологии. Кабинет 24, третий этаж, левое крыло. Восемь часов вечера.

Бармин сидит над расчётами. Перед ним — три стопки бумаг: статистические выкладки по состоянию советской промышленности (данные Госплана, очищенные от приписок усилиями оперативного отдела Управления), анализ кадрового состава Политбюро и ЦК (с краткими биографическими справками, составленными на основе данных, полученных без санкции КГБ — это было отдельной и весьма опасной операцией), и черновые заметки по развилкам сценариев. В комнате накурено. Накурено так, что воздух кажется твёрдым — его можно резать ножом, как масло.

Входит Королёв. Он без стука — у них не принято стучать, они слишком давно работают вместе, чтобы соблюдать формальности. Королёву сорок два, он лысоват, носит очки в толстой роговой оправе и говорит всегда тихо, почти шёпотом, как будто сообщает государственную тайну. Что, впрочем, недалеко от истины.

— Ты знаешь, — говорит Королёв, усаживаясь на подоконник (стульев в кабинете всего два, и оба заняты бума-

гами — точнее, заняты стратегически, чтобы никто не мог сесть без спроса), — я сегодня пересчитал восьмой сценарий.

— И? — Бармин не отрывается от бумаг.

— Сорок четыре процента. Как у тебя. Я думал, у меня получится сорок пять или сорок три.

— Значит, мы оба ошиблись одинаково.

— Значит, мы оба правы.

Они замолкают. Тишина в кабинете — особого рода, не пустая, а наполненная: скрипом половиц, гулом вентиляции, отдалёнными шагами в коридоре. Где-то далеко, в оперативных залах первого этажа власти, принимаются решения о поставках зерна в Эфиопию и о дислокации ракет в Восточной Германии. Никто из тех, кто принимает эти решения, не знает о существовании кабинета 24 на Спиридоновке. И кабинет 24 не знает о них — точнее, знает, но не учитывает как самостоятельную величину. Для аналитиков Управления первый этаж власти — это среда, питательный бульон, в котором плавают бактерии принятия решений. Можно изучать их под микроскопом, можно прогнозировать их поведение, но нельзя с ними разговаривать: они не поймут, а если пой-

мут — будет хуже.

— Как ты думаешь, — говорит Королёв, глядя в тёмное окно, за которым угадываются контуры особняка напротив, — он вообще прочитает?

«Он» — это Андропов. Они никогда не называют его по фамилии в разговорах между собой. Только «он». Или, в редких случаях, «Юрий Владимирович» — но это когда речь идёт о чём-то, что требует формального уважения. В неформальной обстановке — просто «он». Как будто во всём Советском Союзе есть только один человек, достойный этого местоимения. Что, впрочем, для них действительно так.

— Прочитает, — говорит Бармин. — Семёнов передаст лично.

Семёнов — начальник канцелярии Управления, подполковник госбезопасности в отставке, человек, который видел Берию (собственными глазами, в пятьдесят третьем, за три дня до ареста) и с тех пор не удивляется ничему. Он передаёт документы первого этажа лично, без сопровождающих, без регистрации в журналах учёта, нарушая все инструкции, кроме одной — той, что была установлена самим Андроповым при создании Управления: «Бумаги идут прямо. Без посредников. Без копий. Без свидетелей».

— Я боюсь, — вдруг говорит Королёв. Это звучит так странно — «я боюсь» из уст человека, который три года проработал в Тегеране под прикрытием, — что Бармин отрывается от бумаг и смотрит на него внимательно.

— Чего именно?

— Я боюсь, что мы правы.

Бармин молчит. Он понимает, о чём говорит Королёв. Если они правы — если распад действительно предопределён с вероятностью 73 процента, если спасти страну может только чудо в виде двенадцати дополнительных лет жизни одного человека, — то, что это говорит о самой стране? О системе, которая держится на гвозде, вбитом в больничную стену в Кунцево? О государстве, судьба которого зависит не от законов, не от институтов, не от экономики, а от того, сумеет ли один-единственный человек прожить на десятилетие дольше, чем ему отмерено природой?

— Мы не правы, — говорит Бармин. — Мы просто считаем. А правота — это не наша категория.

— Тогда чья?

— Ничья. Правота вообще не геостратегическая категория. Геостратегические категории — это вероятность, ресурс, время. Правота — это для историков. Или для философов. Для тех, кто смотрит назад. А мы смотрим вперёд.

Королёв кивает, но Бармин видит, что он не убеждён. Он и сам не убеждён. Но он знает: единственный способ работать в Геостратегическом управлении и не сойти с ума — это делать вид, что цинизм является методологией. Притворяться, что цифры не пахнут. Что прогноз — это просто прогноз, а не взведённый курок, ожидающий своего часа.

4

Бармин открыл глаза.

За окном всё ещё шёл снег. Он подумал, что снег — это единственная форма существования воды, при которой она не течёт, а падает. И в этом есть что-то глубоко неправильное, какая-то фундаментальная ошибка мироздания, которую природа исправляет каждую весну, когда снег тает и снова становится водой — текучей, подвижной, живой. История тоже иногда замерзает. Застывает в одной точке — в одной больничной палате, в одном решении, в одной подписи под одним документом. А потом, когда приходит весна — настоящая, историческая весна, не календарная, — она тает

и течёт. И мы называем это прошлым, как будто оно уже не опасно.

Он снова склонился над микрофильмом. Пятая страница. Приложение «А»: «Анализ кадрового потенциала верхнего эшелона на период 1984-1994». Таблицы. Фамилии. Характеристики.

Черненко К. У. — 1911 г. р. — состояние здоровья: хроническая эмфизема лёгких, сердечная недостаточность II ст. — прогноз политической активности: 1-3 года — рекомендуемая роль: технический преемник, не более 12 месяцев. Примечание: категорически не рекомендуется к принятию самостоятельных решений. Вероятность управляемой передачи власти при участии Ч.: 34%.

Горбачёв М. С. — 1931 г. р. — состояние здоровья: удовлетворительное — характеристика: энергичен, амбициозен, подвержен влиянию окружения, склонен к идеологическим импровизациям — прогноз: в случае прихода к власти — 60% вероятность радикальных реформ, 45% вероятность потери контроля над процессом — рекомендуемая роль: глава идеологического сектора, без доступа к силовому блоку. Примечание: потенциал непреднамеренного разрушения системы оценивается как критический.

Романов Г. В. — 1923 г. р. — состояние здоровья: удовлетворительное — характеристика: жёсткий администратор, сторонник индустриальной модернизации, ограниченный идеологический кругозор — прогноз: стабилизация без развития — рекомендуемая роль: глава ВПК. Примечание: безопасен при условии контроля.

Громыко А. А. — 1909 г. р. — состояние здоровья: возрастное — характеристика: опытный дипломат, институциональный консерватор, не склонен к самостоятельным политическим решениям — рекомендуемая роль: сохранение текущей должности при любом сценарии для обеспечения внешнеполитической преемственности.

И так далее — тридцать семь фамилий, тридцать семь прогнозов, тридцать семь рекомендаций. Целая страна, упакованная в таблицу, как бабочка в гербарий. Живые люди со своими страстями, страхами, жёнами, детьми, любовницами, болезнями и надеждами — превращены в строки и столбцы. Это была их работа. Им платили за это. И они делали её хорошо — так хорошо, что теперь, тридцать лет спустя, Бармин не мог решить, было ли это преступлением или величайшим актом служения, который только возможен.

Он перевернул страницу. Приложение «Б»: «Ресурсная база сценария "Продлённая жизнь"».

Здесь начиналось самое интересное — и самое страшное. То, что Андропов прочитал иначе, чем они писали.

Сценарий «Продлённая жизнь» требовал ресурсов — огромных, сопоставимых с отдельной пятилеткой. Требовалось перераспределение средств с оборонных программ «Экран» и «Дельта» на создание медицинского кластера в Кунцево — по сути, миниатюрного города, способного автономно функционировать и поддерживать жизнь одного-единственного пациента в течение неограниченного времени. Требовались специалисты — врачи, биохимики, физиологи, — которых предстояло отозвать из гражданских учреждений, предоставив им жильё, зарплаты и, самое главное, режим секретности, сопоставимый с атомным проектом. Требовались препараты — в том числе экспериментальные, не прошедшие клинических испытаний в полном объёме, — закупленные через подставные фирмы в Швейцарии, Японии и Соединённых Штатах.

Всё это Бармин и его коллеги изложили в Приложении «Б» — сухо, по-бухгалтерски, как смету на строительство нового завода. Четырнадцать страниц цифр, графиков и организационных схем. Итоговая стоимость — около семи миллиардов рублей в ценах 1983 года (или примерно одиннадцать миллиардов долларов по официальному курсу, кото-

рый, впрочем, не отражал реальной покупательной способности ни рубля, ни доллара).

Андропов прочитал смету и написал на ней — Бармин видел резолюцию собственными глазами, когда Семёнов принёс документ обратно, — «Выделить. Исполнить. Доложить лично».

Три слова. Три слова, которые запустили цепочку событий, длиной в тридцать лет.

5

ё

Здесь история должна остановиться — как замирает маятник в верхней точке, прежде чем начать движение вниз, — и задать вопрос, который Бармин задавал себе тысячи раз, но так и не нашёл на него ответа.

Знал ли Андропов?

Не о болезни — о болезни он знал, разумеется. Знали врачи, знал он сам, знали те немногие в его окружении, кому положено было знать. Почки отказывали с весны восемьдесят третьего. Диализ — процедура, которую в СССР делали на аппаратах, уступавших западным аналогам на два поколения, — поддерживал жизнь, но не восстанавливал функ-

цию. Медицинское заключение, подготовленное 4-м Главным управлением в августе восемьдесят третьего и немедленно засекреченное, давало от восьми до четырнадцати месяцев при текущем уровне терапии. При форсированной терапии — до трёх лет. При форсированной терапии с элементами экспериментального лечения — неопределённо, но не более шести-восьми.

Андропов это знал.

Вопрос в другом: знал ли он, что делает? Не в бытовом смысле — в бытовом он, конечно, понимал, что продлевает себе жизнь. Вопрос в том, знал ли он, что его решение жить — геостратегический акт такой силы, что вся последующая история страны (и не только страны) будет лишь эхом, расходящимся кругами от одной больничной палаты.

Бармин думал об этом годами. Изучал резолюции, сопоставлял даты, восстанавливал хронологию принятия решений. И чем больше он изучал, тем яснее становилось: да, знал. Не в деталях — детали он оставлял аналитикам. Но он знал главное: что история — это не колесо, катящееся по инерции с горы, а точка бифуркации, в которой один человек, находящийся в нужное время в нужном месте, может изменить всё. Может взять колесо и повернуть его — не вспять, это невозможно, — но под другим углом. Так, что

оно покатится в другую долину, к другому горизонту, в другое будущее.

В этом и заключалась истинная суть пятого этажа власти — того, что Андропов создал вскоре после прихода к должности Генерального секретаря. Не командовать, не приказывать, не принимать оперативных решений. Всё это — удел первого, второго, третьего и четвёртого этажей. Задача пятого — формировать картину мира. Создавать реальность, в которой остальные принимают решения, искренне считая их своими. И самый эффективный способ создания реальности — это стать ею. Не манипулировать событиями, а быть событием. Не влиять на историю, а быть историей.

Андропов понял это раньше всех. Может быть, раньше, чем сам Бармин, который эту концепцию формализовал в своих аналитических записках. А может быть, он знал это всегда — как знает шахматист, что пешка, добравшаяся до восьмой горизонтали, становится ферзём. Не потому, что этого хочется игроку, а потому что таковы правила игры.

Но правила игры в геостратегии отличаются от шахматных одним принципиальным свойством: их никто не устанавливал. Они возникают. Как снег за окном — из воздуха, из холода, из невидимых глазу процессов, происходящих на высоте в несколько километров. И никто не знает их полно-

стью — даже те, кто по долгу службы обязан делать вид, что знает.

6

Бармин углубился в чтение — теперь он просматривал страницы с седьмой по двенадцатую, где излагались сценарии «отказа»: что будет, если Андропов не проживёт и трёх лет, что будет, если проживёт три, но не проживёт пять, что будет, если...

Эти страницы он помнил хуже всего. Они были самыми болезненными — не аналитически, а человечески. Высчитывать варианты смерти человека, который ещё жив, который читает те же самые бумаги, что и ты, который принимает решения на основе твоих расчётов — это особый род деятельности, требующий особой психической конституции. У Бармина она была. У Королёва — почти. У Волина — нет, и именно поэтому Волина в конце концов отстранили.

Сценарий «Отказ-3» (смерть в течение 1-12 месяцев): Черненко — номинальный преемник, неизбежная борьба за власть между Горбачёвым и Романовым, вероятность сохранения системы — 9%, вероятность распада — 91%. Рекомендация: готовить резервный план эвакуации стратегической документации за пределы страны.

Сценарий «Отказ-5» (смерть в течение 3-5 лет): Черненко — технический преемник на 12-18 месяцев, затем Горбачёв — высокая вероятность реформ с непредсказуемым результатом. Вероятность сохранения системы — 28%. Рекомендация: закладывать параллельные структуры влияния.

Сценарий «Отказ-10» (смерть после 10 лет): управляемая передача власти технократическому крылу, стабилизация, постепенная модернизация. Вероятность сохранения системы — 67%. Рекомендация: считать основным рабочим сценарием.

Сценарий «Невозможный» (продление жизни за пределы 12 лет): не рассматривается за недостаточностью данных. Примечание: если данный сценарий реализуется, все предыдущие расчёты аннулируются как утратившие силу. Рекомендация: пересчитать всё заново.

Андропов прожил двенадцать лет. Ровно двенадцать — месяц в месяц, почти день в день. Он умер в феврале 1996-го, через двенадцать лет и четыре дня после того, как Бармин поставил последнюю точку в документе, который сейчас лежал перед ним на микрофильме. Он умер в Кунцево, в той самой палате, которую построили на деньги, перенаправленные с оборонных программ, в окружении тех самых врачей,

которых собрали со всей страны, на тех самых препаратах, которые закупали через подставные фирмы в Цюрихе и Осаке. Он умер, оставив после себя страну, которой никто из них — ни Бармин, ни Королёв, ни Волин, ни сам Андропов — не мог себе представить в октябре 1983-го.

И вот теперь Бармин сидел здесь, в архиве на третьем ярусе, в феврале 2012-го, и перечитывал документ, который сделал эту страну возможной.

7

Он отложил микрофильм и встал. Спина затекла — семьдесят четыре года, как-никак, и тридцать лет сидячей работы в архивах и операторских. Он прошёлся по комнате — четыре шага в длину, три в ширину — и остановился у окна, глядя, как снег замечает парковку перед корпусом.

Там, наверху, в мире за окном, шёл 2012 год. Президент — человек, которого Андропов когда-то взял на заметку как «перспективного, но требующего контроля» (Бармин видел эту заметку, написанную рукой Юрия Владимировича на полях аналитической записки в 1989-м, когда объекту было тридцать семь и он работал в Ленинградском горкоме). Страна — пятая экономика мира, если считать по паритету покупательной способности, и вторая по производству уг-

леводородов. Границы — почти советские, за вычетом Прибалтики и Западной Украины, но с добавлением того, что раньше называлось Северным Казахстаном, а теперь — Южно-Сибирским краем. Армия — модернизированная, с элементами пятого поколения. Космос — свой. Технологии — с задержкой на три-пять лет от американских, но свои, не покупные.

Всё это было результатом тех самых двенадцати дополнительных лет. Лет, которые Андропов буквально вырвал у судьбы, вооружившись их расчётами, как топором.

Бармин думал: правильно ли это — гордиться? Можно ли гордиться тем, что твои расчёты помогли одному человеку прожить лишнее десятилетие и за это десятилетие изменить ход истории? Или это примерно то же самое, чем гордился Оппенгеймер: «я стал смертью, разрушителем миров» — только наоборот? «Я стал жизнью, создателем миров»? Звучит не менее кощунственно.

Он не знал ответа. За тридцать лет аналитической работы он научился одному: есть вопросы, на которые ответа не существует. И есть вопросы, на которые ответ существует, но он неправильный. И есть вопросы, на которые ответ правильный, но он ничего не меняет.

Вопрос о гордости относился ко всем трём категориям одновременно.

8

За его спиной открылась дверь. Без стука — как тогда, в восемьдесят третьем, входил Королёв, — но теперь на пороге стоял не Королёв, а молодой человек лет тридцати, в штатском, с лицом, которое Бармин где-то видел, но не мог вспомнить где.

— Илья Сергеевич, — сказал молодой человек. — Вам пакет из Москвы.

Бармин обернулся. Пакет — стандартный конверт из плотной коричневой бумаги, без подписи, без обратного адреса, с сургучной печатью, которую он узнал мгновенно. Печать Геостратегического управления — та самая, которую отменили в девяносто четвёртом вместе с самим Управлением (официально оно было расформировано, а его функции переданы вновь созданному Центру стратегического прогнозирования, но печать, как видно, кто-то сохранил).

Он взял пакет. Молодой человек кивнул и вышел — так же бесшумно, как вошёл.

Бармин взвесил конверт в руке. Лёгкий. Один лист, возможно, два. Он вскрыл сургуч и вынул бумагу — жёлтую, чуть шероховатую, с водяными знаками. Ту самую, на которой в Геостратегическом управлении печатали документы высшей категории.

На листе было всего три строки. Почерк — незнакомый, но стиль — безошибочно узнаваемый:

«Точка бифуркации не пройдена. Горизонт смещается. Пересчитать всё заново».

И внизу — дата. Сегодняшнее число. И подпись, которую Бармин не ожидал увидеть никогда больше в своей жизни: подпись человека, умершего в Кунцево шестнадцать лет назад.

Подпись Андропова.

Бармин опустился в кресло. Снег за окном всё шёл — белый, плотный, стирающий границы между прошлым и будущим, между возможным и невозможным, между тем, что было, и тем, что ещё только предстоит.

Он посмотрел на микрофильм. Потом на письмо. Потом снова на микрофильм.

Тридцать лет он думал, что знает ответ. Теперь он понял: он не знал даже вопроса.

Где-то наверху, в оперативных залах первого этажа власти — а может быть, и на пятом, о существовании которого по-прежнему не знали почти нигде, — принимались решения, которые через тридцать лет назовут исторической неизбежностью. Где-то работали аналитики, которые сейчас — в эту самую минуту — вписывали в таблицы новые вероятности, новые сценарии, новые цифры. И может быть, думал Бармин, сама попытка просчитать будущее снова меняет его. Снова, как тридцать лет назад. Снова, как всегда.

Он закурил — теперь было всё равно. Курить в архиве запрещено, но какая разница, если мир, который установил этот запрет, только что перестал существовать? Если все расчёты аннулированы, все сценарии перечёркнуты, все прогнозы устарели в одно мгновение?

Он курил и смотрел на снег. А снег всё шёл — февральский, мокрый, тяжёлый, — заметая дороги, стирая следы, превращая мир в чистый лист.

В лист, на котором ещё ничего не написано.

Но уже есть тот, кто возьмёт химический карандаш.

9

Февраль 1996 года. Кунцево. Спец палата № 4.

Здесь тихо. Здесь всегда тихо — аппараты жизнеобеспечения работают почти беззвучно, персонал передвигается в мягкой обуви, переговоры ведутся шёпотом. Палата представляет собой помещение площадью около сорока метров, разделённое на три функциональные зоны: собственно медицинскую (кровать с системой мониторинга), процедурную (диализное и реанимационное оборудование) и бытовую (кресла, стол, книжный шкаф). Освещение — мягкое, рассеянное, спроектированное по специальному заказу НИИ светотехники. Температура — постоянная, двадцать два градуса. Влажность — сорок пять процентов.

В кровати — человек, которого страна привыкла считать вечным. Ему восемьдесят один год. Последние три года он уже не принимает решений — решения принимают те, кого он когда-то поднял на второй, третий и четвёртый этажи власти. Но он всё ещё здесь, и одно его присутствие — одного его дыхания — достаточно, чтобы система продолжала работать так, как он её настроил.

У постели сидит женщина. Ей сорок семь. Она не врач, не медсестра, не родственница. Она — аналитик Геостратегического управления, преемница Бармина, и она пришла задать вопрос, который имеет гриф «Предельно стратегически».

— Юрий Владимирович, — говорит она тихо. — Второй горизонт. Ваши указания.

Человек в кровати открывает глаза. Это требует усилия — видно, как напрягаются мышцы лица, как дрожат веки, — но он открывает. Смотрит на женщину. И говорит — одними губами, почти без звука, но она слышит:

— Всё сначала.

Это последние слова, которые он произносит в своей жизни. Через четыре часа сердце остановится. Через шесть часов новость уйдёт в агентства. Через восемь часов страна проснётся в мире, где Андропова больше нет.

Но эти два слова — «всё сначала» — останутся. Их запишут в протокол. Их вложат в конверт из плотной коричневой бумаги. Их спрячут в архив на третьем ярусе. И через шестнадцать лет Бармин прочитает их снова — в другом контексте, в другой стране, в другом мире, который, однако,

всё ещё является производной от той палаты, от той женщины, от того шёпота, который прозвучал в феврале девяносто шестого.

Всё сначала.

История не заканчивается. Она даже не начинается. Она просто идёт — как снег за окном, как вода в реке, как время в часах на стене архивного читального зала.

И где-то, на самом дне её, работает аналитик с химическим карандашом. И пишет новые цифры. И не знает, что его расчёты — это уже не анализ.

Это оружие.

Бомба с часовым механизмом, заложенная под фундамент того будущего, которое ещё не наступило.

10

Бармин докурил. Погасил папиросу о подошву ботинка — привычка, сохранившаяся с тех времён, когда пепельниц в архиве ещё не отменили, — и сунул окурок в карман. Он посмотрел на микрофильм, на письмо, на снег за окном. Потом сел за стол, достал из ящика чистый лист бумаги и химиче-

ский карандаш — тот самый, которым он писал тридцать лет назад и который по-прежнему носил в нагрудном кармане пиджака.

«Точка бифуркации, — написал он. — Вероятность распада: неизвестна. Инструментарий: тот же. Горизонт: 50 лет».

Он остановился. Посмотрел на написанное. Подумал.

И добавил — в скобках, мелким почерком, почти неразборчиво:

«Геостратег не выбирает будущее. Он выбирает, какое из возможных прошлых станет неизбежным. Но что, если прошлых больше нет? Что, если все они уже случились и все одинаково неизбежны? Что, если мы живём во всех мирах одновременно — и в том, где Андропов умер в восемьдесят четвёртом, и в том, где он прожил двенадцать лет, и в том, где он не умирал никогда, — и единственное, что отличает один мир от другого, — это угол зрения? Точка обзора. Точка, из которой мы смотрим на историю и называем её историей, а не веером равновероятных возможностей, разлетающихся от каждого мгновения, как снежинки от фонаря в февральскую ночь».

Он перечитал написанное и усмехнулся. Слишком поэтично для аналитической записки. Слишком неформально. Слишком лично. Но теперь — в 2012 году, в семьдесят четыре года, с новым письмом в руках и старым микрофильмом на столе — он мог себе это позволить.

Он больше не был аналитиком.

Он был точкой обзора.

Снег всё шёл. И будет идти. Всегда.

Глава 2. Тело и карта

15 октября 1983 года. Центральная клиническая больница, Кунцево. Палата № 17. Уровень: 5-й этаж власти. Вероятность выживания: 34%. Горизонт планирования: пятьдесят лет.

1

Запах в палате был неправильный.

Не то чтобы Андропов ожидал, что в больнице будет пахнуть иначе — за последние шесть месяцев он провёл здесь больше времени, чем в Кремле, и успел изучить все оттенки

больничных запахов: хлорка, лекарственные испарения, нагретый пластик аппаратуры, едва уловимый сладковатый дух разложения, который не выветривается никакой вентиляцией. Нет, неправильным был не запах как таковой — неправильным было его место. Запах больницы должен существовать в мире, где ты пациент, а не Генеральный секретарь. В мире, где твоё тело — частное дело, а не геостратегический ресурс.

Аппарат искусственной почки мерно гудел — звук, похожий на работу стратегического бомбардировщика на холостом ходу. Андропов помнил этот звук с пятьдесят шестого — тогда он, ещё молодой сотрудник аппарата ЦК, летал в Будапешт накануне венгерских событий. Самолёт гудел точно так же: ровно, басовито, с едва заметной вибрацией, которая передавалась через обшивку и заставляла внутренности резонировать. Тогда он думал о том, что империя — это звук. Низкий, непрерывный, убаюкивающий. Когда гул прекращается — значит, что-то пошло не так.

Сейчас гул продолжался. Это означало, что империя ещё жива. По крайней мере, в той мере, в какой он сам был империей.

Он лежал на спине и смотрел в потолок. Потолок был белым — тем особым медицинским белым цветом, который не

является ни чистым, ни грязным, ни тёплым, ни холодным, а просто функциональным. Белый цвет как отсутствие цвета. Белый цвет как отрицание эстетики. В обычной жизни Андропов ненавидел этот цвет — он напоминал ему о лагерях, о допросных, о кабинетах без окон, где люди перестают быть людьми и становятся объектами. Но сейчас, глядя в потолок, он думал не о лагерях. Он думал о картах.

Потолок был его картой. Он использовал его так же, как другие используют бумагу или экран радара: мысленно проектировал на него линии границ, стрелки ударов, дуги ракетных траекторий. Если долго смотреть — а у него было время смотреть, бесконечные часы диализа, когда тело подключено к машине и нельзя двигаться, — белизна начинала расслаиваться. Проступали контуры. Границы соцлагеря. Линия раздела в Европе. Точки базирования флотов. Узлы напряжённости — Афганистан, Польша, Никарагуа, Ангола. И в центре — Москва, от которой расходились линии принятия решений, как нервные волокна от головного мозга к конечностям.

Карта была неправильной. Андропов видел это отчётливо — отчётливее, чем кто-либо другой на планете. Советский Союз занимал одну шестую суши, но его экономика была экономикой бедной страны, сидящей на нефтяной игле. Его армия была крупнейшей в мире, но воевала кремнёвы-

ми ружьями против цифрового оружия, которое американцы только начинали испытывать. Его идеология всё ещё говорила о мировой революции, но никто — даже в Политбюро — в неё уже не верил. Карта лгала. Карта всегда лжёт, когда её рисуют те, кто боится посмотреть на местность.

— Юрий Владимирович.

Голос вырвал его из геостратегической полудрёмы. Он перевёл взгляд с потолка на говорящего.

В палате было трое.

Сам Андропов — в кровати, подключённый к диализному аппарату трубками, которые уходили в его тело где-то в районе предплечья (он никогда не смотрел на место подключения; это было единственное, от чего его до сих пор мутило). Начальник Четвёртого главного управления Минздрава академик Чазов — человек, который выглядел старше своих лет, что для кардиолога с мировым именем было скорее профессиональной иронией, чем недостатком. И руководитель личного секретариата полковник Лазарев — человек-файл, человек-картотека, хранящий в памяти четыре тысячи телефонных номеров (из них триста семьдесят — оперативных, не подлежащих записи), двести оперативных псевдонимов и бесчисленное количество схем взаимодействия между ве-

домствами, которые официально не имели права взаимодействовать друг с другом.

Чазов говорил. Лазарев молчал. Таково было распределение ролей в этом спектакле: Чазов — голос медицины, Лазарев — голос аппарата, Андропов — тот, кто должен слушать обоих и принимать решение.

2

— Юрий Владимирович, — повторил Чазов, и его голос звучал так, как звучит чтение протокола вскрытия: ровно, бесстрастно, с той особой интонацией, которую врачи вырабатывают к пятому году практики, когда смерть пациента перестаёт быть трагедией и становится статистикой. — Я должен ознакомить вас с результатами последнего консилиума. Без экивоков.

— Ознакомьте, — сказал Андропов. Голос у него был тихим — не слабым, а именно тихим, как у человека, который привык, что его слушают, даже когда он шепчет.

Чазов вынул из папки лист бумаги — не стандартный бланк, а жёлтый лист с водяными знаками, такие использовались только для документов особой категории, — и начал читать. Он не зачитывал диагноз — диагноз Андропов

знал и без него: хроническая почечная недостаточность в терминальной стадии, осложнённая диабетической нефропатией и сопутствующей сердечной недостаточностью второй степени. В переводе с медицинского на человеческий: почки отказывали. Полностью и окончательно. Единственное, что поддерживало жизнь, — диализ, процедура, при которой кровь прогоняли через аппарат, фильтрующий токсины. В Советском Союзе такие аппараты производились в количестве, недостаточном даже для гражданских нужд, не говоря уже о специализированных моделях для высшего руководства.

— При текущем режиме терапии, — говорил Чазов, — мы можем гарантировать от восьми до четырнадцати месяцев. Это верхняя граница. Нижняя — шесть месяцев при любом осложнении. При переводе в специализированный центр в ГДР — до трёх лет, возможно, четырёх. Немецкие аппараты на поколение опережают наши. Плюс климат, плюс отсутствие стрессов, плюс...

— Плюс отсутствие страны, — перебил Андропов.

Чазов замолчал. Он был достаточно опытен, чтобы понимать: когда Генеральный секретарь перебивает, нужно замолкать, даже если ты академик и лауреат.

— Продолжайте, — сказал Андропов. — Что после ГДР?

— После ГДР... — Чазов запнулся. — Юрий Владимирович, после ГДР — ничего. Это предел. Медицина не все-сильна.

— Медицина — нет, — согласился Андропов. — А государство?

Повисла пауза. Чазов не понял вопроса. Лазарев — понял, но по должности не имел права отвечать, пока не спросят. Андропов перевёл взгляд на Лазарева.

— Скажите им, полковник.

Лазарев откашлялся. У него был голос человека, который привык докладывать по телефону: сухой, информативный, лишённый модуляций.

— По данным аналитической группы Бармина, — сказал он, — в Геостратегическом управлении разработан сценарий «Продлённая жизнь». Он предполагает создание специализированного медицинского кластера здесь, в Кунцево, с использованием технологий, закупленных по линии научно-технической разведки. Расчётный горизонт продления — от восьми до двенадцати лет.

Чазов снял очки и принялся их протирать — верный признак того, что он взволнован.

— Восемь лет? — переспросил он. — На аппарате искусственной почки? Это невозможно.

— Невозможно при текущем уровне технологий, — поправил Лазарев. — Но технологии можно добыть. Уже добываются. Через швейцарские и японские подставные фирмы. Плюс собственные разработки — закрытый институт в Томске работает над портативной диализной системой с 1979 года. При перераспределении финансирования с программ «Экран» и «Дельта» они обещают рабочий прототип через четырнадцать месяцев.

Чазов надел очки. Посмотрел на Лазарева. Потом на Андропова. Потом снова на Лазарева.

— Вы говорите о перераспределении средств с оборонных программ на медицинские? В разгар холодной войны?

— Я говорю о том, — сказал Андропов, и его тихий голос вдруг приобрёл ту особую плотность, которая заставляла замолкать целые залы, — что моё тело сейчас является главным стратегическим ресурсом Советского Союза. Важнее

ракет. Важнее бомбардировщиков. Важнее всего, что можно купить за деньги или построить за пять лет. Потому что, если меня не станет — не станет ничего.

Он сказал это без пафоса, без рисовки — просто как констатацию факта. И именно поэтому это прозвучало так страшно.

3

Чазов ушёл через двадцать минут. Ему нужно было подготовить медицинскую часть сценария — список оборудования, перечень специалистов, график процедур. Он ушёл с лицом человека, который только что обнаружил, что его пациент — не пациент, а государство, и что лечить его будут не столько врачи, сколько аналитики из организации, о существовании которой он до сегодняшнего дня не подозревал.

Лазарев остался. Он стоял у окна — по стойке «вольно», но всё равно прямо, как человек, который провёл в армии достаточно, чтобы военная выправка стала второй натурой. За окном был октябрь — сухой, холодный, с голыми деревьями и низким небом. Андропов смотрел на Лазарева и думал о том, что этот человек знает слишком много. Не просто много — критически много. Он знает о Геостратегическом управлении. Знает о сценарии «Продлённая жизнь». Знает о

подставных фирмах в Цюрихе и Осаке. Если он когда-нибудь решит, что его босс умирает слишком медленно, — у него будет достаточно информации, чтобы ускорить процесс.

— Лазарев, — сказал Андропов. — Вы понимаете, о чём я сейчас думаю?

Лазарев чуть повернул голову. Он был умён — достаточно умён, чтобы понимать, когда вопрос содержит ловушку.

— Так точно, Юрий Владимирович. Вы думаете о том, не знаю ли я слишком много.

— И что вы отвечаете?

— Что я знаю ровно столько, сколько нужно для выполнения ваших поручений. И что моя лояльность — не функция страха, а функция рационального расчёта.

— Поясните.

— Если вы умрёте — меня ликвидируют в течение трёх месяцев. Любой преемник, будь то Черненко, Горбачёв или Романов, не захочет оставлять в живых человека, который знает механизм принятия решений на пятом этаже власти. Моя жизнь напрямую зависит от вашей. Следовательно, я за-

интересован в вашем долголетии больше, чем кто-либо другой, включая ваших врачей.

Андропов усмехнулся. Это была его знаменитая усмешка — тонкая, почти незаметная, которую люди, плохо его знавшие, принимали за гримасу боли. На самом деле это был его способ выражать одобрение. Лазарев только что сдал экзамен на лояльность — не эмоциональную, не идеологическую, а математическую. Лояльность как уравнение. Лояльность как функция выживания.

— Хорошо, — сказал Андропов. — Тогда слушайте. И запоминайте. Записывать не нужно.

4

То, что он сказал дальше, не было зафиксировано ни в одном документе. Даже микрофильм Бармина, хранившийся в архиве на третьем ярусе, не содержал этих слов. Они существовали только в памяти Лазарева — а потом, после смерти Лазарева в 2001-м (инфаркт, мгновенно, в собственном кабинете), исчезли навсегда.

Но в тот момент, 15 октября 1983 года, в палате № 17, эти слова были произнесены — и они изменили всё.

— Лазарев, — сказал Андропов. — То, что я скажу, не должно покинуть эту палату. Даже Бармин не должен знать. Бармин — аналитик, он считает вероятности. Это его работа. Но есть вещи, которые нельзя считать. Их можно только знать.

Лазарев молчал. Он понимал: сейчас он услышит то, ради чего его, возможно, убьют. И он был готов к этому — потому что, как он сам только что объяснил, его смерть была гарантирована в любом случае, а умереть, зная правду, казалось ему более осмысленным, чем умереть, обслуживая чужие иллюзии.

— Я знаю, что я умру, — сказал Андропов. — Не через год, не через три, не через двенадцать. Я умру тогда, когда моя смерть перестанет быть угрозой для системы. Когда система научится работать без меня. Или, когда система рухнет несмотря на меня. В любом случае — моя смерть не медицинский факт. Это политическое решение.

Он помолчал, переводя дыхание. Аппарат продолжал гудеть — ровно, басовито, успокаивающе.

— Бармин считает, что сценарий «Продлённая жизнь» — это план моего спасения. Он ошибается. Это план спасения страны. Моё тело — не цель. Моё тело — инструмент.

Как ракета Р-36, как атомная подводная лодка, как нефтяная скважина в Тюмени. Ресурс, который может быть израсходован с максимальной эффективностью. И моя задача — не прожить как можно дольше. Моя задача — умереть в правильный момент.

Лазарев слушал, не шевелясь. Его лицо ничего не выражало — он был слишком хорошим офицером, чтобы показывать эмоции. Но где-то внутри, в том слое сознания, который не подчиняется дисциплине, он понимал: то, что он слышит, — не просто государственная тайна. Это метафизика власти. Это то, о чём не пишут в учебниках и не говорят на совещаниях. Это знание, которое меняет того, кто им обладает.

— А теперь, — сказал Андропов, и его голос снова стал деловым, будничным, — запишите. Аналитической группе Бармина: ускоренный расчёт по сценарию «Стекло». Технологический рывок через принудительную конверсию ВПК. Временной горизонт — не двадцать лет, а восемь. Исходное условие — сохранение моего здоровья на уровне, не ниже текущего в течение всего периода. Вопрос: что нужно сделать с промышленностью, чтобы за восемь лет перепрыгнуть через технологическую пропасть?

Лазарев вынул блокнот — не стандартный, а специальный, с химической пропиткой, позволявшей уничтожить за-

писи за три секунды при контакте с водой, — и аккуратно записал распоряжение. Андропов смотрел, как его рука выводит слова, и думал о том, что «Стекло» — самое опасное из всего, что он когда-либо затевал. Не потому, что оно могло провалиться — провалиться могло всё, это было заложено в самой природе геостратегического планирования. А потому, что оно могло удаться.

Удаться слишком хорошо.

5

1988 год. Москва. Заседание Совета обороны. Пять лет спустя.

К этому моменту Андропов жив уже на четыре года дольше, чем в той реальности, где Бармин не написал свой документ, а Чазов не поверил в возможность двенадцатилетнего горизонта. Четыре дополнительных года — это много или мало? Для человеческой жизни — много. Для истории — ничтожно мало, мгновение, один вдох. Но история состоит из мгновений, и иногда одно мгновение меняет всё.

Сценарий «Стекло» — детище Бармина и его группы, одобренное Андроповым вскоре после того октябрьского разговора, — начал приносить результаты. Идея была про-

ста в своём безумии: использовать гигантский военно-промышленный комплекс не для производства оружия, а для производства средств производства. Танковые заводы перепрофилировались на выпуск станков с числовым программным управлением. Ракетные КБ — на разработку гражданских компьютеров. Закрытые институты — на создание элементной базы для информационных технологий, которые на Западе уже называли «микропроцессорной революцией».

Это было чудовищно дорого. Это требовало перестройки всей системы управления — не той перестройки, которую в другой реальности начнёт Горбачёв (и которая закончится крахом), а жёсткой, авторитарной, андроповской: никакой гласности, никакой демократизации, только технологическая модернизация при сохранении политической монополии. Четвёртый этаж власти скрипел и сопротивлялся — генералы не хотели отдавать заводы, директора не хотели менять номенклатуру, партийные секретари не хотели терять контроль. Но Андропов был жив — и этого оказалось достаточно, чтобы сопротивление оставалось в рамках кулуарного недовольства, не переходя в открытый саботаж.

На заседании Совета обороны в марте 1988-го министр обороны Устинов (которого Андропов сохранил в должности вопреки всем прогнозам — именно для того, чтобы нейтрализовать армейскую оппозицию реформам) докладывал о

ходе конверсии. Цифры были впечатляющими — и одновременно удручающими. С одной стороны, производство гражданских компьютеров выросло на четыреста процентов. С другой — оно всё ещё отставало от американского уровня на два поколения. С одной стороны, станкостроение начинало осваивать ЧПУ. С другой — японские и немецкие станки были точнее в три раза.

Андропов слушал молча. Он сидел во главе стола — похудевший, бледный, но с всё тем же взглядом, который читал не слова, а то, что за ними. Его аппарат для диализа — портативная модель, разработанная томским институтом, — стоял в соседней комнате, и каждый три часа заседание прерывалось на процедуру. Члены Совета обороны ждали. Никто не роптал. Андропов добился того, что его болезнь перестала быть слабостью и стала ритуалом — напоминанием о том, что Генеральный секретарь платит за свои решения телом, а не только резолюциями.

— Мы отстаём, — сказал он, когда Устинов закончил. — Это очевидно. Но отставание сокращается. Вопрос: когда мы перестанем отставать?

Устинов ответил — цифрами, графиками, прогнозами. Андропов слушал и понимал: всё это неправда. Не в том смысле, что Устинов лгал, — он был слишком опытен, чтобы

лгать генсеку, — а в том, что сама постановка вопроса была ложной. Догнать Запад в области информационных технологий было невозможно. Пропасть была слишком велика. Единственный способ победить в этой гонке — сменить её правила.

Так родился сценарий «Стекло-2» — не догонять, а обходить. Не строить собственные компьютеры, а создать систему, в которой компьютеры не нужны вообще. Или, точнее, не нужны в том виде, в каком их понимает Запад. Ставка — на аналоговые вычисления, на распределённые сети, на то, что позже назовут «нейроморфными системами». Безумная идея, которую отвергли все эксперты, — и которую Андропов приказал разрабатывать, потому что безумные идеи иногда срабатывают. А иногда не срабатывают, но тогда их выдают за плановый эксперимент и забывают.

Главное — не останавливаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.